

Секция «9.10 Государственная политика и управление: институциональное, ценностное и гуманитарное измерение в условиях глобальных трансформаций»

**Символическая политика государства в условиях геополитического кризиса:
цели и методологические основания анализа**

Научный руководитель – Соловьев Александр Иванович

Попадьин Анастасия

Аспирант

Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова, Факультет государственного управления, Кафедра политического анализа, Москва, Россия

E-mail: popadina@spa.msu.ru

Современные исследователи геополитических кризисов обращают внимание на то, что кризис сегодня перестаёт восприниматься как отклонение от нормы и всё чаще трактуется как повторяющееся состояние или даже закономерный этап развития геополитического порядка [1]. Анализ факторов, сил, условий и причин кризисных ситуаций смещается от исключительно материальных и институциональных объяснений к пространству интерпретации смыслов происходящего. Сторонники критической и эмоциональной геополитики исходят из того, что борьба разворачивается не только за ресурсы и территории, но и за право определять значение событий [7].

Подобным пространством противоборства выступает символическая политика. Под ней мы будем понимать пространство конструирования, укрепления и тиражирования смысловых интерпретаций реальности конкурирующими акторами. Одним из ключевых акторов подобного формирования символических конструкций является государство. Символическую политику государства мы будем рассматривать как целенаправленную деятельность властных элит по конструированию и закреплению выгодных интерпретаций происходящего посредством конкретных инструментов. Эта деятельность чаще всего опирается на уже сформированный символический капитал, включающий устойчивые ценностные ориентации, коллективные убеждения, историческую память, а также на цели, связанные с удержанием власти, перераспределением ресурсов и обеспечением безопасности.

В условиях геополитического кризиса у государства появляются специфические задачи, которые диктуют особые требования реализации символической политики. Ключевая цель государства в этот период - пережить кризис, адаптироваться к изменениям и по возможности выйти из него в более устойчивых позициях.

Достижение этой цели предполагает несколько взаимосвязанных уровней задач: экзистенциальный (поддержание устойчивой коллективной идентичности и предотвращение символической дезориентации общества), легитимационный (объяснение кризиса, обоснование принимаемых решений и формирование морально оправданной картины происходящего [5]), мобилизационный. Легитимация действий власти осуществляется не только в период избирательной конкуренции, но и в процессе принятия государственных решений во внутренней и внешней политике. В кризисе это объяснение должно носить долгосрочный характер и выдерживать конкуренцию с альтернативными интерпретациями со стороны других государств и международных акторов. В период геополитической напряжённости общество становится более восприимчивым к символическому воздействию [4], усиливается эмоциональная реакция, возрастает риск фрагментации. В этих условиях государство стремится к консолидации, тиражированию символов, укрепляющих коллективную идентичность, и к мобилизации населения в формах поддержки проводимого курса.

Наконец, существует внешнеполитическое измерение, связанное с формированием образа страны, привлечением сторонников и партнёров, конструированием посланий для

других участников кризиса и обеспечением безопасности через механизмы международного признания.

Несмотря на наличие широкого спектра аналитических инструментов исследования символической политики, в литературе до сих пор отсутствует комплексная методологическая рамка, позволяющая системно связать цели государства, используемые символические инструменты и достигнутые результаты. Теория фрейминга [6, 9] показывает, каким образом отбор и акцентирование символов формируют когнитивные схемы восприятия, однако она преимущественно фиксирует механизмы воздействия, а не стратегические цели государства. Концепт онтологической безопасности [8] позволяет понять потребность общества в стабильной самоидентичности, но не предлагает инструментов оценки эффективности государственной символической политики. Конструктивистский подход рассматривает государства как носителей идентичностей [10], однако не разрабатывает функциональной матрицы анализа их символических стратегий в условиях кризиса. Существующие подходы фрагментарны, они описывают отдельные проявления символической политики, не рассматривая ее как явление комплексное и оставляя за рамками контекст геополитического кризиса. При этом условия кризиса характеризуются высокой информационной конкуренцией, необходимостью повышения скорости реакции и международным противостоянием интерпретаций. Политическое знание и анализ должны учитывать трансформации политической практики, в том числе изменение способов конструирования политических символов, что требует новых инструментов исследования [3].

В этой связи видится необходимой разработка аналитической матрицы, способной учитывать кризисную специфику и оценивать эффективность государственной символической политики. Последняя может быть оценена через соотнесение её с целями государства. Так, на внутреннем уровне легитимационный эффект может быть определен через уровень доверия к институтам и одобрения принятых решений, консолидационный эффект - через снижение поляризации мнений различных социальных групп, мобилизационный эффект - через степень поддержки символических акций и участия в них. На внешнем уровне эффективность может оцениваться через изменения международной тональности сообщений средств массовой информации, степень поддержки или нейтралитета третьих стран, а также институционализацию конкретной интерпретации кризиса.

Источники и литература

- 1) Мартынов М. Ю., Сердюков Д. В. Концепт «кризис» как инструмент артикуляции политических интересов в общественно-политическом дискурсе (на примере российских федеральных и региональных средств массовой информации) // Журнал политических исследований. 2021. Т. 5, № 3. С. 56–74. DOI: 10.12737/2587-6295-2021-5-3-56-74. EDN UIHUFL.
- 2) Пушкарева Г. В. Символическая политика: грани научного дискурса // Современные социально-гуманитарные исследования. 2025. № 5. С. 96–107. DOI: 10.7868/S2712910125050089.
- 3) Соловьев А. И. Узнавание политики: эпистемические размежевания и контуры политологии будущего // Полис. Политические исследования. 2025. № 5. С. 58–79. DOI: 10.17976/jpps/2025.05.05.
- 4) Bauman Z. Liquid Times: Living in an Age of Uncertainty // Cambridge: Polity Press. - 2007. - Vol.43 (1) - P. 115.
- 5) Boussagnet L., Faucher F. Symbolic Policy. Cambridge: Cambridge University Press, 2024. DOI: 10.1017/9781009290975.

- 6) Chong D., Druckman J. N. Framing Theory // Annual Review of Political Science. 2007. Vol. 10. DOI: 10.1146/annurev.polisci.10.072805.103054.
- 7) Jones A. 'Waging word wars': The 'emotionscape' of the United Nations Security Council and the Russian war in Ukraine // Political Geography. 2024. №108. DOI:10.1016/j.polgeo.2023.103032.
- 8) Kinnvall C. Globalization and Religious Nationalism: Self, Identity, and the Search for Ontological Security // Political Psychology. 2004. Vol. 25. No. 5. P. 741–767.
- 9) Kreuter J. Ideas and Objects, Meaning and Causation - Frame Analysis from a Modernist Social Constructivism Perspective // Framing Political Futures. Cham: Springer, 2020. DOI: 10.1007/978-3-030-60340-3_3.
- 10) Wendt A. The State as Person in International Theory // Review of International Studies. 2004. Vol. 30. P. 289–316. DOI: 10.1017/S0260210504006084.